

BOOK REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ

Лаура Сальмон, Дарья Фарафонова и Стефано Алоэ (под ред.)
Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж (Firenze:
 FUP, 2023), 217 с., ISBN 979-12-215-0121-6, [https://books.fupress.com/
 isbn/9791221501223](https://books.fupress.com/isbn/9791221501223)

Как показал Ю.Н. Тынянов, повесть Ф.М. Достоевского *Село Степанчиково и его обитатели* была пародией на *Выбранные места из переписки с друзьями* Н.В. Гоголя.¹ Через пародирование старые литературные формы приобретали иную функцию, в чем Тынянов видел импульс для смены литературной системы.² Новое произведение отходит от литературной традиции, поскольку противоречит ей и показывает ее изнанку. Пародия предполагает то *sentimento del contrario* [‘чувство противоположности’], которое, по мнению Дарьи Фарафоновой, коренится в парадоксальном отношении Достоевского к реальности (с. 167-184). Парадоксальное мироощущение не только определяет развитие литературы, но и является ее сутью и содержанием. Лаура Сальмон подчеркивает, что парадокс является отличительной особенностью русской литературы: «Готовность смотреть за пределами бинарной логики определяет важную специфику русских классиков» (с. 14). Однако этот аспект мало изучен литературоведами.

Цель классической русской литературы заключается не в соответствии ожиданиям читателя, но в стимулировании читательского интеллекта посредством освещения глубоких философских вопросов. Комментируя первое издание *Преступления и наказания* на итальянском языке, Энрико Монтекорболи написал во введении: «Среди всех русских писателей, он самый русский»³. Несмотря на созвучность данного заявления романтизму с его культом нации, факт глубокой парадоксальности творчества Достоевского все-таки делает его самым русским писателем. Читая словарное определение парадокса,⁴ неизбежно приходится вспоминать о Достоев-

1 Юрий Н. Тынянов, *Достоевский и Гоголь (к теории пародии)* (Петроград: ОПОЯЗ, 1921).

2 Юрий Н. Тынянов, “О пародии”, в: Юрий Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино* (Москва: Наука, 1977), с. 284-309.

3 Enrico MONTECORBOLI, “La vita e le opere di Feodor Dostoevski”, в: Feodor DOSTOIEVSKI, *Il delitto e il castigo (Raskolnikoff)* (Milano: Fratelli Treves, 1889), p. XL.

4 «Странное мнение, высказывание, расходящееся с общепринятыми мнениями, научными положениями, а также мнение противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу» – Сергей И. Ожегов, *Толковый словарь русского языка* (Москва: АСТ, 2014), с. 403.

ском. Суть его творчества поистине парадоксальна, так как здесь все подвергается сомнению, все полифонично и многослойно, все неоднозначно и часто амбивалентно. При этом парадоксальность как основная черта поэтики Достоевского не получила систематического анализа. Существует малое количество работ, посвященных этой проблеме.⁵ Отметим, что не все из них можно отнести к разряду научных.⁶ Таким образом, сборник статей *Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, деонтаж* заполняет важную лауну в достоевсковедении.

Сборник включает в себя работы ведущих специалистов по творчеству Достоевского, участников международной конференции 2021 года, посвященной 200-летию русского писателя. Конференция была организована Генуйским университетом при участии Веронского университета.

В статьях анализируются разнообразные парадоксальные элементы поэтики писателя. Перед нами возникает не монологическая фигура автора «Достоевского-философа, Достоевского-богослова, Достоевского-идеолога» (с. 7), а полифоническая и противоречивая личность, которая с помощью парадоксов раскрывает имманентную амбивалентность бытия, предоставляя специалистам обширное поле для исследований.

Сборник окрывает статья Лауры Сальмон (с. 13-34), в которой рассматривается парадокс в творчестве Достоевского как средство «когнитивного деонтажа» (с. 19). Исследовательница представляет классификацию функций и типов парадоксов, не имеющих единственного разрешения, но расширяющих «горизонты умственного и морального мышления» (с. 15). Герменевтический круг, связывающий автора, текст и читателя, определяет конкретное решение и понимание парадоксов. Здесь нет однозначности, а вопросы и ответы зависят от умственных усилий каждого читателя. В заключительной статье сборника Константин Баршт возвращает нас к герменевтической парадигме, говоря, что Достоевский продолжает оставаться объектом чтения и исследования, поскольку его произведения обладают значительным интерпретационным потенциалом. Баршт подчеркивает, что «Любая книга обретает существование только в процессе ее чтения» (с. 195), но при этом важно не навязывать тексту определенные жесткие интерпретации.

5 Gary Saul MORSON, "Paradoxical Dostoevsky", *The Slavic and East European Journal*, Vol. 43, № 3, 1999, pp. 471-494; Александр Ю. Суконик, *Достоевский и его парадоксы* (Москва: Языки славянской культуры, 2015). Есть и работы изучающие парадоксальность «Записок из подполья», напр.: Gabriella E. IMPOSTI, "Il paradosso del mentitore in *Memorie dal sottosuolo di Dostoevskij*", *Between*, Vol. 9, № 18, 2019, pp. 1-17.

6 Валерий Г. ШЕВЧЕНКО, *Достоевский. Парадоксы творчества* (Москва: ОГНИ, 2004).

В своей статье Баршт защищает Достоевского от обвинений в антисемитизме, высказанных в книге М.Л. Уральского и Г. Мондри *Достоевский и евреи* (с. 195-214). Ценность статьи заключается в демонстрации антинаучности любого предвзятого отношения к автору. Достоевский – писатель, требующий внимательного и беспристрастного изучения, так как его взгляды могут быть противоречивыми и изменчивыми.

Статья Стефано Алоэ (с. 65-80) также переключается с одним положением из работы Лауры Сальмон. Ученый показывает, как ономастика становится у Достоевского способом выявления многогранности человеческой личности (имя одновременно определяет персонажа и при этом оставляет широкое пространство для универсальности Я-сознания). В своей статье исследователь уточняет и развивает одну из позиций Сальмон. Согласно Сальмон, безымянный герой в творчестве Достоевского является типизированным. Алоэ считает, что герой безымянный еще сложнее чем герой с именем, поскольку включает в себя различные «я». Он не может определить границы собственной личности, символизируя таким образом человеческую неоднозначность. Парадокс пронизывает творчество Достоевского и проявляется в именах персонажей, неуловимая аллюзивность которых противостоит гоголевской традиции говорящих имен.

В статье Марии Кандиды Гидини рассматривается исповедь героев Достоевского (113-122). Здесь парадокс проявляется в том, что писатель использует исповедальное слово, чтобы выразить недоверие к самому этому слову. Исповедь становится скорее проявлением одиночества современного человека, предвосхищением периода модернизма, а не поводом открыться миру.

Статья Ясины Войводич посвящена парадоксальной улыбке главной героини *Кроткой* (с. 123-151). Эта улыбка становится отправной точкой для анализа различных аспектов рассказа, таких как смерть, – обычно завершающая действие, – и жизнь, которая здесь порождает рассказ и воскрешает душу Закладчика. Даже общение в этом рассказе оказывается парадоксальным: супруги, которые должны быть близкими, вместо разговоров пользуются молчанием, обнаруживая тем самым свою изолированность друг от друга.

Парадоксальное молчание также анализируется Раффаэлой Вассеной (с. 139-151). В *Преступлении и наказании* оно является не просто театральной паузой, (не)реакцией героев на неожиданные события. Молчание Раскольникова обладает множеством значений, что делает его парадоксальным и противоречивым.

Говоря о темпераментах героев, Кэрл Аполонио указывает, что в миропонимании писателя невоздержанность человека скрывает жизненное начало, в то время как аскетизм и замкнутость в себе не способствуют его внутреннему преобразованию (с. 81-90). Парадоксальность проявлена в том, что традиционно невоздержанность рассматривается как отрицательное качество, манифестируемое через половую распущенность или неумеренность в еде и питье. Однако, как показывает Достоевский, она может также открывать человека миру. Чем более разнуздан человек, тем больших духовных высот он может достичь. Чувственность может стать источником радости, любви и, в конечном счете, подлинного религиозного опыта.

Вместе с тем идеи Кэрл Аполонио приходят в противоречие с разрушительностью женской сексуальности в прозе Достоевского, о чем пишет Сара Дикинсон (с. 153-165). В своей статье она рассматривает парадоксальное отношение Достоевского к женской сексуальности на материале *Преступления и наказания*. Писатель понимает ее как разрушительную силу (сексуальность как таковая часто связана у писателя с падением героев и героинь, например, с феноменом проституции). Противоречивость выводов разных исследователей может объясняться тем, что у Достоевского «каждое слово, каждая мысль, каждая реплика привязаны к определенной повествовательной инстанции и вне ее рамок правильно поняты быть не могут» (с. 202).

В статье Дарьи Фарафоновой (с. 167-184) подчеркивается, что *sentimento del contrario* [‘чувство противоположности’], лежащее в основе юмора итальянского драматурга Луиджи Пиранделло, имеет много общего с творческим методом Достоевского. Оба писателя используют юмор, чтобы показать реальность во всей ее полноте, со всеми ее неразрешимыми противоречиями. Смех в произведениях Достоевского и Пиранделло часто оказывается горьким. «Чувство противоположности» вызывает сострадание, сопротивляется осуждению и обогащает восприятие реальности, делая его более глубоким, противоречивым и амбивалентным.

Алексей Казаков называет творческий метод Достоевского «деконструкцией деконструкции» (с. 41-51). Как показывает исследователь, Достоевский не работает с бинарными оппозициями, он идет дальше и разрушает даже само понятие двойственности, используя технику демонтажа в ходе работы над произведением.

Мартин Максимилиан Боровский показывает, как понятие ‘атеист’ у Достоевского описывает целый ряд разных типов людей, помимо тех, кто отрицает бога (с. 53-63). Парадокс заключается не только в специфи-

ке атеистов, представленных у писателя, но и в личном отношении Достоевского к атеизму, его великом христианском чувстве и постоянном сомнении в нем.

Парадоксы Достоевского также проявляются в диалогах его персонажей, на что указывает Алексей Шишкин (с. 185-193). В последнем диалоге между Колей и Алешей в романе *Братья Карамазовы* чередуются языковые регистры, при этом русизмы представляют конкретное и историческое, а славянизмы выражают универсальное и поэтико-мифологическое. Парадокс заключается в том, что, общаясь, герои фактически говорят о разных вещах и придают разное значение своим словам.

Кристоф Гарстка анализирует трагикомическое как самостоятельную парадоксальную категорию (с. 91-99), проявившуюся в образе «отцов неудачников» (с. 98), которые, не принимая решений, стремятся сохранить свою иллюзорную свободу. Эти театральные персонажи обнаруживают экзистенциальное противоречие между внутренним миром и реальностью, пытаются держаться за свое мироощущение.

По мнению Александра Исакова, продуктивно изучение произведений Достоевского с позиций психоанализа и экзистенциализма (с. 101-111). В своей статье он предлагает лакановское прочтение *Братьев Карамазовых*, сосредотачиваясь на образах отцов. Несмотря на перспективность психоаналитического подхода, необходимо отметить, что данная работа отклоняется от заявленной темы сборника.

Книга *Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж*, безусловно, представляет ценность для современного достоевковедения. В ней представлены актуальные размышления и новые идеи. Работы исследователей могут служить хорошим методологическим подспорьем.

Авторы показывают, что изучение творчества Достоевского требует отказа от предвзятого подхода. У специалиста всегда есть большой соблазн «определить и определѐть» данного автора как идеолога, публициста, морализатора, иногда даже заклеить антисемитом или ксенофобом, но на самом деле для Достоевского-писателя были характерны мировоззренческие противоречия. Сложность и неоднозначность мировоззрения Достоевского проявилась на разных уровнях его произведений: в образах его героев, в их именах, диалогах, жестах, а также ситуациях, в которых они оказываются. Автор подвергал свои убеждения постоянному анализу, проходя через «горнило сомнений» (ПСС 15; 485).

Сомнения, неопределенность, двойственность, демонтаж существующих интерпретаций действительности, юмор и гротеск – основные характеристики творчества Достоевского. Рецензируемый сборник уходит от

застарелых литературоведческих установок, чуждых самому мышлению писателя, который был далек от догматизма, несмотря на наличие определенных идей и убеждений. Парадоксальность его произведений делает их бесконечным источником художественных и философских смыслов.

Отметим, что многие вопросы, поднятые исследователями, требуют дополнительного изучения. Например, проблема демонтажа как основа творческого метода или ономастическая система в творчестве Достоевского. Также было бы целесообразно исследовать парадоксальность в публицистике писателя. Это помогло бы лучше понять творческую эволюцию и различные фазы его мировоззрения. Определенный интерес представляют риторические парадоксы в *Дневнике писателя*, с помощью которых Достоевский любил демонстрировать абсурдность положений своих оппонентов (см. к примеру, ПСС 50; 72).

Данные замечания касаются лишь части возможностей, которые открывает для исследователя рецензируемый сборник. Важно помнить о том, что парадоксальность мышления писателя является также чертой, необходимой для его исследователя. Соблюдение этого условия способствует развитию новых направлений и появлению новых интересных горизонтов достоевсковедения.

Ирис Уччелло

Валентина В. БОРИСОВА, Сергей С. ШАУЛОВ, Юлия В. ЮХНОВИЧ
«Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского (Уфа: Печатник, 2021), 268 с. ISBN 978-5-6042485-7-7

К 200-летию Ф.М. Достоевского в мировой достоевистике прозвучал юбилейный “залп”: вышли многочисленные исследования, посвященные писателю-классику, среди которых выделяются 30 коллективных монографий российских ученых, созданных в рамках тематического конкурса РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф.М. Достоевского в русской и мировой культуре» (След, оставленный на века).¹ Среди них и книга Валентины Борисовой, Сергея Шаулова и Юлии Юхнович *«Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского* (https://vk.com/doc40410133_670834805?hash=Ut2HUXtGr5THiLgYjqZiYz7P8xAyAJ76GcvSAsw6Xjs&dl=ws6iQ8KjV62TjtlhZrtJhzsIrkGM77mOolBZariiEMD). Она написана на основе изучения мемуарных, эпистолярных, архивных и других источников. Это ряд деловых бумаг и документов, относящихся к делу о куманинском наследстве из фондов РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ, РГИА, государственных архивов Томской, Рязанской и Тульской областей, корпуса рукописного наследия писателя, оцифрованного веб-лабораторией Петрозаводского государственного университета и др.

Ряд документов, в том числе “Доверенность Э.Ф. Достоевской на получение акций Ф.М. Достоевскому (младшему)”, “Расписка Б. Райха в получении денег от Э.Ф. Достоевской”, письмо А.Г. Достоевской к Н.Н. Страхову от 18 октября 1881 года, в котором вдова писателя делится переживаниями и хлопотами относительно «заколдованного» куманинского наследства, публикуются в книге впервые. Ее источниковедческий фундамент достаточно основателен и продолжает дополняться усилиями других исследователей.²

- 1 *След, оставленный на века. К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского*. Аннотированный каталог изданий и исследований, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ в 1995-2021 годах (Москва: РФФИ, 2021). 120 с.
- 2 Инга М. ДРОВОШЕВСКАЯ, Борис Н. ТИХОМИРОВ, “Московская ветвь родословного древа Ф.М. Достоевского: новые архивные и печатные источники”, *Неизвестный Достоевский* 2023, т. 10, № 1, с. 5-80, DOI: 10.15393/j10.art.2023.6562; Инга М. ДРОВОШЕВСКАЯ, Борис Н. ТИХОМИРОВ, “Внуки дедушки Федора Нечаева: родословные разведки в области генеалогии Ф.М. Достоевского (из дополнений к «Хронике рода Достоевских»)", *Неизвестный Достоевский*, 2023, т. 10, № 2, с. 155-195, DOI: 10.15393/j10.art.2023.6641.

Книга Валентины Борисовой, Сергея Шаулова и Юлии Юхнович читается с большим интересом, местами как детектив. В ней рассказывается о куманинском наследстве, которое стало для писателя, во-первых, “несчастливым”, поскольку из-за него родственные отношения между братьями и сестрами Достоевского разрушились вконец; во-вторых, «заколдованным», как выразилась в сердцах А.Г. Достоевская; в-третьих, криминальным из-за причастных к наследственному «делу» московских аферистов-“червонных валетов”, в-четвертых, “роковым”, став одной из причин преждевременной кончины писателя. И, конечно, как показывают авторы книги, оно оставило заметный след в целом ряде произведений Достоевского, в которых перипетии, связанные с куманинским наследством, преломились в образах персонажей и фабульной структуре.

Хотя биографических работ о великом русском писателе немало, столь драматический эпизод в его жизни, как участие в разделе куманинского наследства занимает в жизнеописаниях Достоевского весьма небольшой объем. В то же время в художественном мире писателя наследственный сюжет – один из ключевых, что видно по романам *Игрок*, *Идиот*, *Подросток*, *Братья Карамазовы*.

В этом свете тема, выбранная исследователями весьма актуальна. После статьи Н. Ильина “Достоевский в споре за куманинское наследство”, историко-биографических разысканий Г.А. Федорова и И.Л. Волгина авторы данной монографии продолжили изучение “куманинской” темы. Ей предшествовал цикл предваряющих статей.³

3 Н. Ильин, “Достоевский в споре за куманинское наследство”, *Звенья* 1951, т. IX, с. 547-565; Гергий А. ФЕДОРОВ, *Московский мир Достоевского. Из истории художественной культуры XX века* (Москва: Языки славянской культуры, 2004), 464 с.; Игорь Л. ВОЛГИН, “Родные и близкие. Историко-биографические очерки”, в: *Хроника рода Достоевских*, под ред. Игоря Л. ВОЛГИНА (Москва: Фонд Достоевского, 2013), 1232 с.; Валентина В. БОРИСОВА, “Дело о куманинском наследстве в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского”, *Неизвестный Достоевский*, 2018, № 1, с. 32-43, DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481; Юлия В. ЮХНОВИЧ, “«Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А.Г. Достоевской”, *Неизвестный Достоевский*, 2018, т. 5, № 4, с. 176-184, DOI 10.15393/j10.art.2018.3785; Юлия В. ЮХНОВИЧ, “Адвокаты Ф.М. Достоевского: из истории «куманинского процесса»”, *Неизвестный Достоевский*, 2019, т. 6, № 2, с. 171-185, DOI: 10.15393/j10.art.2019.3961; Валентина В. БОРИСОВА, Сергей С. ШАУЛОВ, “Мотив «рокового наследства» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий», *Проблемы исторической поэтики*, 2019, т. 17, № 3, с. 106-128, DOI: 10.15393/j9.art.2019.6482; Валентина В. БОРИСОВА, “Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела»”, *Неизвестный Достоевский*, 2019, № 1, DOI 10.15393/j10.art.2019.3786; Сергей С. ШАУЛОВ, “«Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект”, *Достоевский*

Интерес к роду Куманиных, сыгравших огромную роль в судьбе писателя, не случаен. Куманины – одна из старейших купеческих династий Москвы. Некогда монастырские крестьяне Переславль-Залесского уезда уже к концу XVIII века стали состоятельными купцами, поставщиками царского двора и наладили торговлю с иностранными компаниями. Старшая сестра матери писателя, Александра Федоровна Нечаева, вышла замуж за Александра Алексеевича Куманина. Богатые и влиятельные родственники Куманины сыграли существенную роль в жизни всех детей Достоевских, став для них, как пишут авторы монографии, «благодетелями навеки». После смерти родителей тетушка и дядюшка взяли племянников под свою опеку, обеспечив их образование и воспитание, помогая им до конца своих дней.

Рассказывая об участии Куманиных в жизни семьи Достоевских, авторы подробно раскрыли эту историю в книге, в композиции которой реализуется принцип сопряжения биографических и творческих фактов. Структурно данная монография состоит из десяти глав, каждая из которых освещает отдельную тему: I – «Дело о куманинском наследстве» в биографии Достоевского, II – Нравственные и юридические аспекты «куманинского» дела, III – Мотив «рокового наследства» в романе Достоевского «Идиот», IV – «Червонные валеты» в «Деле о куманинском наследстве», V – «Червонный валет» А.Т. Неофитов из окружения

и мировая культура. Филологический журнал, 2020, № 4(12), с. 105-116, <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-9-105-116>; Сергей С. Шаулов, «Художественное отражение «Дела о куманинском наследстве» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»», *Культура и текст*, 2021, № 4 (47), с. 77-88, DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-77-88; Валентина В. БОРИСОВА, ««Червонный валет» А.Т. Неофитов из окружения Ф.М. Достоевского», *Неизвестный Достоевский*, 2020, т. 7, № 1, с. 156-167, DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481; Валентина В. БОРИСОВА, Сергей С. Шаулов, ««Клуб червонных валетов» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»», *Неизвестный Достоевский*, 2020, т. 7, № 3, с. 149-165, DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781; Юлия В. ЮХНОВИЧ, «Адвокаты Ф.М. Достоевского: из истории «куманинского процесса»», *Достоевский и мировая культура*. Филологический журнал, 2020, № 2 (10), с. 197-210, DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-197-210; Валентина В. БОРИСОВА, ««Бывший князь» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток»», *Неизвестный Достоевский*, 2021, т. 8, № 1, с. 149-167, DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242; Юлия В. ЮХНОВИЧ, «Уловки адвокатов, или что получили Достоевские от продажи тульского имения», *Неизвестный Достоевский*, 2021, т. 8, № 1, с. 168-182, DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-197-210; Валентина В. БОРИСОВА, Сергей С. Шаулов, «Роман «Подросток»: реальный и историко-литературный комментарий», Татьяна А. КАСАТКИНА (под ред.), *Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения* (Москва: ИМЛИ РАН, 2022), с. 608-650, <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0677-2>.

Достоевского, VI – «Клуб червонных валетов» в романе Достоевского «Подросток», VII – «Бывший князь» Вс. Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток», VIII – «Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект, IX – Художественное отражение «дела о куманинском наследстве» в романе Достоевского «Братья Карамазовы», X – «Аблакаты из-под Иверской» VS А.Г. Достоевская в «деле о куманинском наследстве».

Первые две главы представляют собой реконструированную хронику куманинского «дела» и участие в нем Достоевского. Особую ценность представляет комментарий, в котором проблема наследства рассматривается не только с юридической точки зрения, но переводится в нравственную, в шкале ценностей самого писателя всегда имевшую приоритетное значение.

Так, в книге говорится о том, как в 1863 году умирает дядюшка Александр Алексеевич Куманин, а тетюшка Александра Федоровна Куманина в 1865 году составляет завещание о наследстве. В это время, странствуя по Европе, Достоевский работает над романом *Идиот*. Соответственно в III главе рассматривается мотив «рокового наследства» в произведении писателя, действительно, напрямую связанный с реальной историей.

Особый интерес представляют III – VI главы, в которых подробно рассматривается один из самых громких судебных процессов в Москве по делу «О клубе червонных валетов» и участие в нем родственника писателя А.Т. Неофитова. Изученные авторами монографии мемуарные, эпистолярные, биографические и исторические материалы позволили полно раскрыть роль Неофитова в махинациях вокруг куманинского наследства, а также показать, как отразилась его личность в произведениях писателя 1860-1870-гг. в качестве возможного прототипа некоторых героев.

В VII – IX главах авторы последовательно анализируют отражение биографии писателя в романах *Подросток* и *Братья Карамазовы*, в них также прослеживается процесс взаимопроникновения жизненных и творческих интенций автора в рамках его художественной лаборатории. Ярким примером является раздел, посвященный чрезвычайно оригинальной личности Вс. Долгорукого, «однородца» московского губернатора, «бывшего князя» и, по мнению авторов книги, в некотором смысле ставшего прототипом героя-рассказчика в романе *Подросток*, а после его прочтения и эпигоном Достоевского.

Не меньший интерес представляет собой последняя X глава, в которой рассказывается о судебных процессах, всегда привлекавших внимание писателя. Достоевский часто присутствовал на них лично, откликнулся на них

в *Дневнике Писателя*. Как известно, Достоевский называл адвокатов «нанятой совестью». В монографии с привлечением документальных, эпистолярных и мемуарных источников раскрывается роль адвокатов-«мошенников», участвовавших в «деле о куманинском наследстве».

В целом книга по своему пафосу парадоксальна: в житейском смысле «несчастное» и роковое наследство не обогатило писателя, но в творческом плане он обогатился пережитыми в ходе куманинского «дела» «сильными впечатлениями», которые отразились в его великих произведениях. Их, как своё истинное наследство, он и оставил потомкам.

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, что в рецензируемой книге Валентины Борисовой, Сергея Шаулова и Юлии Юхнович, наряду с другими коллективными монографиями из «юбилейной» серии, существенным образом расширен круг источников жизни и творчества Достоевского, гениального писателя, обладавшего способностью пережить личный и исторический опыт до предельной степени художественного обобщения, превращая его в общечеловеческий, поучительный опыт.

Инга Дробышевская

